

СИЛИН В. Л.

К ПРОБЛЕМЕ СИНОНИМИИ

Тождество, или равнозначность понятий, закрепленных за разными словами, — общепризнанное условие образования лексической синонимии [1]. В то же время в синонимические отношения могут вступать слова, соотносящиеся по семантике как род и вид, т. е. имеющие генерализованные и специализированные значения. В отличие от логического тождества семантическое тождество лексических единиц имеет место и при наличии у них различий стилистического или идеографического порядка. Последние и приносят смысловые оттенки в лексическое значение, отсутствующие у нейтрального слова данного ряда, понятийное содержание которого беднее и менее конкретно, чем у соотносимых слов с видовыми значениями.

Среди многих советских и зарубежных языковедов распространено мнение, что слова, соотносимые по семантике как вид и род, не являются синонимами [2—4]. Эта мысль в нашей стране впервые была высказана в статье А. Б. Шапиро «Некоторые вопросы теории синонимов»: «Не синонимичны, — пишет он, — слова, из которых одно обозначает родовое понятие, а другое (или другие) видовое (или видовые)» [5, с. 75]. Факты многих языков убеждают нас в том, что в этой формулировке допущено неоправданное обобщение, и мы попытаемся показать это на материале разных языков.

Лат. *flos* (род. п. ед. ч. *floris*) «цветок» в разное время проникло в германские языки. Его освоение английским языком обусловило появление омонимов: *flower* «цветок» и *flour* «мука» (< ст.-франц. *flor*, *flour*, совр. франц. *fleur* «цветок» < и.-е. **bhlō-* [6]). Причем само по себе слово *flower* означало когда-то и то, и другое (ср.: *flower* «the finest quality of meal» [7]). Значение «мука» сосуществовало с исходным «цветок» вплоть до распада полисемии. Графическое размежевание омонимов в таких случаях дает основание говорить о том, что перед нами омофоны. Родственному слову других германских языков присущи значения «цвет», «цветение» (нем. *Flor*, дат., норв., швед. *flor*), «цветок» (нидерл. бурск. *fleur*). На межъязыковом лексическом уровне сравниваемых языков представлено соотношение «два слова (англ. *flower*, *flour*) — одно слово (нем. *Flor*, дат., швед. *flor*, нидерл., бурск., фриз. *fleur*)». Смысловые корреляции этих слов на интерлингвистическом уровне более разнообразны: 1) отношение семантического тождества (англ. *flower* «цветение» — нем. *Flor*); 2) соотношение целого и части (англ. *flower* «цветущее растение», «цвет», нем. *Flor* «цветок», нидерл., бурск., фриз. *fleur*); 3) противопоставление предметного и процессуального в значениях слов (англ. *flower*, нидерл., бурск. *fleur* «цветок» — нем. *Flor* «цветение»).

Семантические соответствия и различия этих лексем укладываются в рассмотренные нами схемы межъязыковых отношений родственных слов по понятийным и функциональным признакам [8]. Исключением является *flour* «мука» в английском языке, которое не имеет семантических параллелей в других германских языках и потому соотносится с неродственными словами: нем. *Weizenmehl*, дат. *hvedemel*, норв. *hvetemel*, швед. *vetemjöl* «пшеничная мука» и т. п.

В английском языке *flour* «(пшеничная) мука (высшего качества)» всту-

пает в синонимические отношения со словом *meal* «мука» (грубого помола), «мука (вообще)». Обозначая муку высшего сорта, *flour* «пшеничная мука» соотносится с *meal* «мука (вообще)» как часть и целое, вид и род. Однако это не лишает его статуса синонима слова *meal*.

Для родового слова — нем. *Mehl*, нидерл. *meel*, швед. *mjöl* «мукá» — в сравниваемых языках нет синонимов типа англ. *flour* «мукá». Поэтому видовые разновидности муки обозначаются в них сложными словами (нем. *Weizenmehl* «пшеничная мука», *Roggenmehl* «ржаная мука», *Gerstenmehl* «ячменная мука», *Hafermehl* «овсяная мука», швед. *vetemjöl*, *kornmjöl*, *rågmjöl*, *havremjöl*). Смысловая связь нем. *Mehl* «мука» и сложных слов с видовыми значения очевидна. Но какая это связь?

В парадигматике и синтагматике устанавливаются синонимические, омонимические, полисемические и антонимические отношения слов и их отдельных значений. Связь немецких слов *Mehl* «мука» и *Weizenmehl*, *Roggenmehl*, *Gerstenmehl*, *Hafermehl* «пшеничная», «ржаная», «ячменная», «овсяная мука» — синонимическая, несмотря на то, что они соотносятся по смыслу как род и вид (согласно упомянутому постулату, они не должны рассматриваться как синонимы).

В одной из последних работ И. В. Рахманова наметился заметный отход от рассматриваемого постулата. Нем. *Tier* «животное» и *Hund* «собака» или *Pflanze* «растение» и *Rose* «роза», конечно, не синонимы, отмечает он, хотя о *Wind* «ветер» — *Sturmwind* «ураган» — *Sturm* «буря» уже нельзя судить категорически [9]. И далее И. В. Рахманов признает синонимию глаголов *sehen* «смотреть» — *glotzen* (груб.) «пялиться», *trinken* «пить» — *nippen* «пить маленькими глотками», *gehen* «идти» — *schleichen* «подкрадываться», предлагая лишь говорить не о родо-видовых отношениях слов, а об отношениях общего и частного в их семантике [9].

В этой связи распространенное среди многих советских и зарубежных лингвистов утверждение, что слова, соотносимые по смыслу как вид и род, не могут рассматриваться в качестве синонимов, нуждается в конкретизации и дальнейшем уточнении. Несоответствие этого постулата действительному положению вещей и статусу синонимии находит немало подтверждений в разных языках. Многие лингвисты, занимающиеся проблемой синонимии, обходят молчанием обсуждение этого вопроса [10, 11] или, не задумываясь, присоединяются к указанной точке зрения [12]. Но это вовсе не означает, что такой проблемы вообще не существует или что она решена уже окончательно.

Согласимся с И. В. Рахмановым в том, что нем. *Tier* «животное» и *Hund* «собака», соотносимые по смыслу как род и вид, — не синонимы. В этом нетрудно убедиться, поскольку в объем значения *Tier* «животное» как родового слова включаются видовые значения слов *Pferd* «лошадь», *Kuh* «корова», *Katze* «кошка», *Schwein* «свинья», *Ziege* «коза», *Hund* «собака», *Wolf* «волк», *Bär* «медведь», *Löwe* «лев», *Tiger* «тигр» и др. Ни одно из них, а следовательно, и слово *Tier* не является синонимом слова *Hund* «собака».

В свою очередь в другом лексическом ряду существительное *Hund* само по себе является, однако, родовым словом и включает в свой объем видовые наименования собаки (*Hund* «собака» — *Jagdhund* «охотничья собака», *Wolfshund* «волкодав», *Schäferhund* «овчарка», *Windhund* «борзая», *Köter* «дворянжка», *Dachshund* «такса», *Kettenhund* «цепная», *Spürhund* «ищейка», *Hetzhund* «гончая», *Fox* «фокстерьер» и др.). Обозначая различные породы собак, эти слова синонимичны между собой и относительно *Hund* «собака», т. е. перед нами синонимия лексем с более общим или ро-

довым значением. Такая синонимия существует потому, что все указанные слова соотносятся с одним и тем же объектом.

В Словаре синонимов русского языка [13] в качестве синонимов слова *собака* приводятся *пес* и *псина*. Вне синонимического ряда остаются, таким образом, многие слова: *дворняжка*, *овчарка*, *гончая*, *ищейка*, *такса*, *борзая*, *легава*, *волкодав*, *охотничья*, *шавка*, *фокстерьер*, *пудель*, *дог* и др.

В том же синонимическом словаре лишены статуса синонимов слова *мясо*, *рыба*, *молоко*, *яблоко*, *груша*, *слива* и др., а синонимический ряд слов со значением «конь» представлен лишь двумя словами *лошадь* и *конь*. В угоду упомянутому постулату целые ряды слов, как видим, лишаются статуса синонимии в русском и других языках. А. П. Евгеньева пишет, что «слова—синонимы служат выражением тонких смысловых оттенков данного понятия, выражению той или иной экспрессии, эмоциональной или стилистической окраски» [14]. Вот и выходит, по ее мнению, что слова *собака*, *дворняжка*, *ищейка*, *гончая*, *волкодав* и т. п. не выражают одно и то же понятие, ибо она не относит эти слова к категории синонимов. А между тем этот и другие ряды слов русского языка выражают соответственно тождественные понятия, поскольку в них отражается один и тот же объект, и, следовательно, это синонимические ряды слов, несмотря на родо-видовые отношения семантики их членов.

Распространенное среди многих лингвистов мнение, что слова, соотносимые как вид и род, не являются синонимами, нельзя рассматривать как некую языковую универсалию. Многое зависит ведь еще от того, что представляет собой то или иное родовое понятие, как оно соотносится с конкретными видовыми понятиями и какая степень отвлеченности, или абстрагирования, заключена в нем. Существительное *Tier* «животное», безусловно, более отвлеченно отражает мир животных, точнее, отдельного его представителя, чем слово *Hund* «собака». Слова русского языка *животное* и *собака*, *лев*, *тигр*, *кошка*, *свинья*, *коза*, *лошадь* и т. п. при их родо-видовых отношениях не синонимы; напротив, лексемы *собака*, *овчарка*, *гончая*, *легава*, *волкодав* и др., соотносящиеся как род и вид, — идеографические синонимы. Можно согласиться и с тем, что *Pflanze* «растение» и *Rose* «роза» не вступают в синонимические отношения. И действительно, в объем значения нем. *Pflanze* включаются различные виды растений (*Birke* «береза», *Tanne* «ель», *Rose* «роза», *Wegerich* «подорожник», *Weizen* «пшеница», *Nelke* «гвоздика» и т. п.). Они не обнаруживают, однако, синонимических отношений между собой, потому что их значения вообще не соотносимы. Иное дело, когда существительное *Rose* само выступает в качестве родового слова и включает в свой объем видовые названия розы: *Alpenrose* «альпийская», *Apfelrose* «яблочная», *Bengalrose* «китайская (индийская)», *Dornrose* «собачья», *Duftrose* «эллиптически-лиственная», *Essigrose* «французская», *Feldrose*, *Heidenrose* «степная», *Heckenrose* «дикая», *Gartenrose* «садовая», *Kletterrose* «вьющаяся», *Kohlrose* «провансальская», *Teerose* «чайная», *Weinrose* «роза-эглантирия» [15] и др. Эти слова обозначают одну из разновидностей розы. Они синонимичны между собой и с родовым словом *Rose*, хотя и не обнаруживают подобных отношений со словом *Pflanze* «растение».

Семантика слов *мясо* и *свинина*, *баранина*, *говядина*, *конина*, *зайчатина*, *курятина* и т. п. соотносится как общее и частное, род и вид, потому что этим словам присущи родовые и видовые значения, базирующиеся на соответствующих понятиях, связанных с данными словами. Поэтому, следуя постулату «слова с родовыми и видовыми значениями не вступают в синонимические отношения», лингвисты не находят синонимов для слов

мясо в русском, *Fleisch* в немецком, *kött* в шведском и других языках. Не об этом ли свидетельствуют данные словарей синонимов разных языков [13, 16, 17]?

Приведенные выше аргументы против универсализации указанного постулата действительны и для данного лексического ряда. Слова *свинина*, *баранина*, *говядина*, *курятина* — синонимы с присущими им оттенками в значениях, отражающими специфические признаки денотатов. Они совпадают по основным параметрам отраженного в значениях объекта. Но в таком случае они синонимичны также и слову с более общим значением «мясо».

Слова с видовыми значениями «мясо» подводятся под родовое: *свинина* — это мясо свиньи как пища, *говядина* — мясо коровы или быка и т. п. Анализ семантики таких лексем по понятийным признакам убеждает в том, что слова со значением «мясо» вступают в синонимические отношения в русском, немецком, английском, скандинавских и других языках как между собой, так и с родовым словом *мясо*, нем. *Fleisch*, англ. *meat*, норв. *kjøtt*, дат. *kød*, швед. *kött* и т. п. Отношение целого и части или общего и отдельного в семантике этих слов не нарушает их смыслового тождества, которое как раз и предполагает различия идеографического или стилистического порядка. Содержания понятий, связанных с данными словами, отражают все существенные параметры и отличительные признаки одного и того же объекта (мяса). Объемы понятий заключают в себе сведения о количественных параметрах объекта, отраженного в том или другом из них. Это и является основой родо-видовых отношений понятий и значений слов. Последнее особенно отчетливо просматривается в немецком языке, где видовые названия этого продукта питания выражаются сложными словами: *Schweinefleisch*, *Rindfleisch*, *Kalbfleisch*, *Hammelfleisch*, *Hirschfleisch*, *Hühnerfleisch*, *Taubenfleisch*, *Gänsefleisch*, *Entenfleisch*, *Pferdefleisch*, *Salzfleisch* и др. Детерминанты *Schwein(e)-*, *Rind-*, *Hammel-*, *Kalb-*, *Gänse-*, *Pferde-*, *Tauben-*, *Hühner-*, *Enten-*, *Salz-* и т. п. сужают объем родового понятия *Fleisch* «мясо» до видового или (что здесь одно и то же) семантика простого слова *Fleisch* и перечисленных сложных слов соотносится как общее и частное (отдельное). Но общее существует лишь в отдельном, через отдельное. Поэтому каждое отдельное (видовое, частное) в определенных условиях может заполнить весь объем родового понятия «*Fleisch*». Но в таком случае объемы понятий «*Fleisch*» и, скажем, «*Schweinefleisch*», «*Rindfleisch*» и т. п. могут и совпадать. При конкретной реализации лексемы *Fleisch* в речи общее в определенной ситуации манифестируется через отдельное. Но тогда понятия «*Fleisch*» и «*Schweinefleisch*», «*Rindfleisch*», «*Hammelfleisch*» и т. п. соотносятся как род и вид. Поэтому придерживаясь указанного постулата, германисты лишают статуса синонимов слово *Fleisch* в немецком языке [18—20]. Достаточно ли у них для этого оснований? Нет, недостаточно. Слова *Fleisch* и *Schweinefleisch*, *Rindfleisch*, *Hammelfleisch*, *Pferdefleisch*, *Hühnerfleisch* и др. отражают общие и существенные параметры объекта (мяса), причем подчеркиваются присущие каждому из слов различия идеографического порядка, передаваемые детерминантами *Schweine-*, *Rind-*, *Hammel-*, *Pferde-*, *Hühner-*, *Kalb-*, *Tauben-*, *Gänse-* и др., привносящие определенные оттенки значения в семантику сложений в целом. Понятие «продукты питания» — весьма широкое по объему. Оно включает в свой объем хлебные, молочные, мясные, рыбные, овощные, фруктовые и другие изделия. К продуктам питания относятся самые разнообразные дары природы и творения человеческих рук, используемые в качестве пищи: картофель, капуста,

морковь, молоко, масло, сыр, хлеб, фрукты, овощи, яйца, мясо, сало, рыба, сахар и т. п. Такие слова не выявляют синонимических отношений и объединяются в различные тематические группы. Понятиям, закрепленным за данными словами, свойственна различная степень абстракции. Понятия «пища» и «продукты питания» более абстрагированы, чем, скажем, понятие «яблоко», в которое входят слова *антоновка, налив, пепин(ка), синап, ранет, анис, шафран* и т. п. Напротив, понятие «фрукты» — абстракция более высокого порядка, подчиняющее себе видовые понятия «яблоки», «груши», «сливы», «вишни» и т. п.

Уже при первом (элементарном) обобщении происходит абстрагирование от конкретного представителя данного класса предметов и выделение объекта как такового, например, дом вообще и отдельные дома [21]. Но такое же абстрагирование происходит и там, где один и тот же объект носит разные имена [например, *антоновка, налив, пепин(ка), синап, симеренко, джонатан, анис, ранет* и т. п.]. Каждое из этих слов, выражающих сорта яблок, является первой абстракцией, например, «антоновка» вообще, а не отдельные плоды растения, растущего на юге или в средней европейской полосе. Семантика данного ряда слов тождественна при наличии оттенков в значениях, что в общем характерно для лексической синонимии. Для всех этих слов в русском языке имеется родовое слово *яблоко* (в немецком *Apfel*, в английском *apple*), заключающее в себе абстракцию более высокого порядка. Это абстракция второго порядка, потому что отвлечение здесь выше элементарного. Понятие «яблоко» подчиняет себе соответствующие видовые понятия и отражает все существенные признаки данного плода вообще, присущие и яблоку любого сорта: ведь понятие содержит в себе все наши знания об отраженном объекте, из которых, правда, на первый план выдвигаются наиболее характерные и существенные. Родо-видовые отношения понятий, закрепленных за этими словами, не нарушают семантического тождества, или семантической общности слов, которым присущи различия идеографического порядка (оттенки значений). Поэтому слова *антоновка, налив, синап, симеренко, анис, ранет, шафран* и другие вступают в синонимические отношения между собой и с родовым словом *яблоко*.

Элементарная, или первая, абстракция представлена также в словах *масленок, мухомор, шампиньон, боровик; угорка, венгерка, ренклод; черешня, чернокорка, карлик*, выражающих предмет вообще в отличие от его отдельного представителя, именем которого является конкретное слово. Семантика слов *ренклод, венгерка* — *слива*; *черешня, чернокорка* — *вишня*; *боровик, шампиньон* — *гриб* тоже обнаруживает родо-видовые отношения. Однако смысловые различия и здесь не нарушают семантического тождества соотносимых слов. А это свидетельствует об их синонимии так же, как и слов *яблоко* и *антоновка, синап, пепин(ка), симеренко, шафран, ранет, налив* и т. п., соотносимых по смыслу как общее и частное, род и вид на уровне абстракции второго порядка.

В логике наблюдается целая иерархическая лестница подчиненности одних понятий другим. Она наглядно иллюстрирует взаимосвязь предметов и явлений окружающего нас мира. Чем выше уровень абстракции, тем меньше общих элементов и признаков в лексическом значении слов и в содержании понятий, связанных с ними. Так, иерархическая цепочка понятий «налив», «антоновка» — «яблоко» — «фрукты» — «продукты питания» отражает четырехступенчатую субординацию понятий, которая графически может быть представлена в виде концентрических кругов, иллюстрирующих увеличение объема каждого понятия более высокой ступени аб-

стракции вместе с обеднением общего набора признаков предметов, описанных в его содержании. Для трех из названных четырех ступеней иерархической лестницы характерны родо-видовые отношения. Причем в синонимические отношения вступают как лексические единицы первой абстракции (*антоновка, синап, симеренко, ранет, налив, шафран* и т. п.), так и лексемы, выражающие родо-видовые отношения абстракции второго порядка. В самом деле, денотаты слов *яблоко, груша, слива, абрикос, огурец, помидор, картофель* и т. п. сохраняют все существенные параметры любого предмета данного класса [ср. *яблоко* и *пепин(ка)*, *шафран*, *налив; слива* и *ренклод, угорка, венгерка, скороспелая* и т. п.] независимо от привносимых несущественных для понятия и, может быть, важных для значения слова оттенков. Разные сорта яблок, груш, слив, вишен отличаются вкусовыми качествами, ароматом, наличием кислот, сахара, не говоря уже о форме, весе, цвете, географической зоне распространения и т. п. Однако объект остается таковым и при различии некоторых из названных характеристик плода вообще, выражаемых тем или иным конкретным словом. А это означает, что родовые и видовые разноразличные слова, служащие названием различных сортов, пород, видов одних и тех же реалий (яблок, груш, вишен, рыб, собак, лошадей и т. п.), вступают в синонимические связи и при наличии родо-видовых отношений их семантики. Не всякие родо-видовые корреляции слов служат показанием их разобщенности и несводимости в один синонимический ряд. При первой (элементарной) и второй абстракции слова, выражающие род и вид, вступают в синонимические отношения. Отрицание этого факта обедняет наши представления о системной организации лексики и ее отдельных слоев.

Рассмотренные лексические ряды с присущими им оттенками в значениях отражают соответственно один и тот же объект. Они подводятся под известные из литературы определения синонимов и потому образуют разные синонимические ряды. Синонимических отношений нет, однако, там, где слова, соотносящиеся между собой как род и вид, выражают абстракцию более высокого (третьего) порядка, чем элементарное (первичное) и обобщение второго порядка. К таким словам А. Б. Шапиро по праву относит слова *строение — сарай — амбар* [5, с. 75]. Нельзя в этой связи согласиться с теми, кто полагает, что дефиниция синонимов как слов, близких по значению, выражающих одно понятие, диаметрально противоположна определению синонимов как разных слов, тождественных по своему значению [22]. Эти две дефиниции дополняют друг друга и не выявляют никакого антагонизма между собой. Ведь разные слова, имеющие тождественные или близкие значения, выражают как раз одно и то же понятие и соотносятся с одним и тем же денотатом. В противном случае — это не синонимы и не слова с тождественными или близкими значениями.

Признание отношений общего и частного в семантике слов как синонимических [9] относит и рассматриваемые лексемы к разряду идеографических синонимов. Именно так, хотя и непоследовательно, решают ныне этот вопрос некоторые лексикографы [16, 20], относя к синонимам слова с родовыми¹ и видовыми² значениями.

¹ Как синонимы трактуются, например, слова: нем. *gehen* «идти» и *schreiten* «шагать; идти торжественно», *stolzieren* «шестьвовать важно, не спеша», *stampfen* «тяжело ступать; топтать», *trippeln* «идти мелкими шагами», *tänzelu* «идти приплясывая», *waten* «идти, увязая; шлепать» и др. [20].

² Приводятся синонимические ряды: нем. *Baum* «дерево» — *Weihnachtsbaum* «рождественская елка», *Hund* «собака» — *Köter* «дворяжка», *Spürhund* «ищейка», *Jagdhund* «охотничья собака», *Kläffer* «бредливая собака», *Blaffer* «шавка» и др.; *machen* «делать» — *zubereiten* «готовить (пищу)», *anfertigen* «изготавливать (что-л.)», *veransalten* «организовать (соревнование)», *reparieren* «ремонттировать» и др. [16].

ЛИТЕРАТУРА

1. Гак В. Г. Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания // Семантическая структура слова. М., 1971. С. 83.
2. Палевская М. Ф. Синонимы в русском языке. М., 1964. С. 15.
3. Клюева В. Н. Краткий словарь синонимов русского языка. М., 1956. С. 6.
4. Леаковская К. А. Лексикология современного немецкого языка (на нем. яз.). М., 1968.
5. Шапиро А. Б. Некоторые вопросы теории синонимов // Доклады и сообщения ИЯ АН СССР. 1955. № 8.
6. Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin, 1975.
7. The Oxford English Dictionary. 1—12. Oxford, 1970.
8. Силин В. Л. Сравнительно-семасиологические исследования. Германские языки. Гл. 1—6. Днепропетровск, 1983.
9. Рахманов Н. В. О синонимах // Немецко-русский синонимический словарь. М., 1983. С. 8.
10. Fleischer W., Michel G. Stilistik der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig, 1975. S. 72.
11. Кожина М. Н. Стилистика русского языка. М., 1983. С. 112.
12. Степанова М. Д., Чернышева И. И. Лексикология современного немецкого языка. М., 1962. С. 193.
13. Словарь синонимов русского языка / Под ред. Евгеньевой А. П. Т. 1—2. Л., 1970—1971.
14. Словарь синонимов русского языка / Под ред. Евгеньевой А. П. М., 1975. С. 3.
15. Meyers neues Lexikon. Bd. 7. Leipzig, 1964.
16. Görner H., Kempcke G. Synonymisches Wörterbuch. Leipzig, 1973.
17. Gandel'sman A. English synonyms. Moscow, 1963.
18. Eberhard J. A. Synonymisches Wörterbuch. 1—2. Leipzig, 1940.
19. Farrel R. B. Dictionary of German synonyms. Cambridge, 1971.
20. Немецко-русский синонимический словарь. М., 1983.
21. Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. М., 1976. С. 13.
22. Брагина А. А. Синонимы в литературном языке. М., 1986. С. 6—7.